

но не просто через ритуальные действия, а через ритуальный процесс коллективного характера, где действуют механизмы закона «мистической сопричастности», по определению Л. Леви-Брюля. Т.е., через коллективные действия первобытный человек сопереживает окружающей действительности, является соучастником любого события как социального, так и духовного, природного. В подтверждение приведем мнение Л. Леви-Брюля: «Мистические отношения, которые так часто улавливаются в отношениях между существами и предметами первобытным сознанием, имеют одну общую основу. Все они в разной форме и степени предполагают наличие «партиципации» (сопричастности) между существами или предметами, ассоциированными коллективным представлением» [2].

Чувство и ощущение сопричастности к окружающей действительности нам дает ритуальный процесс. Ведь ритуал и есть реализация мифа и мифологического сознания, но не только через определенное воспроизводство схемы действий, запрограммированных в структуре ритуала, а также благодаря символизму.

Именно в ритуале символ приобретает особое звучание, что доказывал В. Тэрнер, который ввел в научный оборот понятие «ритуального символа» [7, с. 34], который в ходе ритуальных действий представляет множество функций, позволяющих воплотить все мифотворчество в культурную реальность. Ритуальный символ объединяет множество идей одновременно поляризует их, обозначая структуру культуры. Важно, что в любом ритуальном цикле мы можем выделить доминантные символы, отражающие не просто ядро ритуала. Через свою многозначность они проецируют информацию мифа в жизнь культуры.

Таким образом, следует сделать вывод, что мифотворчество является внутренним содержанием ритуального процесса, через которое человек и общество учатся осмысливать окружающий мир в контексте знания, накопленного именно в мифе. Это рационально-мистическое знание невозможно постигнуть просто через рассказ.

Коллективные действия в форме ритуала позволяют придать мифу не только осмысленность, но продемонстрировать действенность и «реалистичность» мифологического знания в культуре. Оно, с одной стороны абстрактно, фантазийно, с другой, через воплощение ритуал превращается в конкретный комплекс представлений об окружающем мире и социальной действительности, позволяя закреплять правила и нормы, устоявшиеся в социуме через ритуальный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта психологии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fanread.ru>. Дата обращения: 28.10.2013.
2. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление [Электронный ресурс] // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 130–140. Режим доступа: <http://philosophy.ru>. Дата обращения: 27.10.2013.
3. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
4. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. 576 с.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Этнографическая библиотека, 1985. 535 с.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
7. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 280 с.
8. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
9. Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Наука, 1990. 342 с.
10. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проспект, 2001. 240 с.
11. Юнг К.-Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
12. Юнг К.-Г. Психология нацизма// К.-Г. Юнг о современных мифах : сб. тр. М., 1994. С. 213–230.

ROLE MYTH-MAKING RITUAL PROCESS

© 2013

A.G. Ippolitova, candidate of cultural studies, associate professor of «Philosophy and humanities disciplines»
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Annotation : This article analyzes the characteristics of the relationship between myth and ritual in the context of their cultural manifestations . Mythology and ritual process are interdependent, they give meaning to the various socio-cultural activities. Mythmaking in the ritual process becomes reality and is transformed into an effective social force .

Keywords : culture , ritual, ritual process , myth, myth-making , symbol, symbolism of collective thinking.

УДК 93/94(091)

О ФОРМАХ И МЕТОДАХ СТАНОВЛЕНИЯ ТЮДОРОВСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

© 2013

И.В. Казаков, кандидат исторических наук, доцент кафедры
 «Всеобщей истории и методики обучения»

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается ряд аспектов процесса формирования в Англии так называемой «новой монархии»: государственное строительство, направленное на укрепление позиций центральной власти на местах, законодательство об измене как инструмент подавления дворянской оппозиции, а также перестройка королевского двора, отразившая новое соотношение сил в обществе.

Ключевые слова: Тюдоры, абсолютизм, нобилитет, новая монархия.

В дотюдоровский и в значительной степени в начальный тюдоровский период король не обладал всей полнотой политической власти, будучи ограничен в своих действиях правами и привилегиями знати, господством этой знати в государственных и придворных структурах. Кроме того, монарх обладал весьма скромными военными возможностями, так что в условиях отсутствия постоянной наемной армии существование крупных феодалных свит представляло собой постоянную угрозу королю, вздумавшему править самостоятельно; и наконец, монарх был сильно ограничен в финансовых воз-

можностях для реализации своей власти.

В период Войны Роз все реальные возможности короля влиять на ситуацию и вовсе были сведены к минимуму: власть монарха утратила здесь свои некогда сильные позиции, расцвел сепаратизм знати, опиравшейся на вооруженные феодалские дружины. Могущественные магнаты подчинили себе местное управление и суды, многие территории, города; отдельные представители дворянства в ходе политической борьбы XV в. добились широких вольностей и привилегий. Вопреки распространенному мнению о массовом уничтожении знати в

ходе военных действий, облегчившем якобы переход к абсолютизму, Война Роз не привела автоматически к решению всех проблем во взаимоотношениях нобилитета и короны к выгоде последней – перед Тюдорами стояла сложнейшая политическая задача укрепления королевской власти, подавления многочисленных очагов сепаратизма и консолидации страны, что означало, в свою очередь, неминуемое столкновение с нобилитетом.

Таким образом, любая кардинальная перестройка правительства в целом без решения этих проблем была бы пустой тратой сил, никчемной попыткой навести блеск на старых лопнувших сапогах. Созданию новой модели управления государством должна была предшествовать базовая подготовка, а именно: подавление на местах мощного индивидуального и военного влияния семей знати, распространявшегося подчас на огромные территории. Данная проблема могла быть частично решена разрушением старой иерархической системы власти, лишением знати поддержки вассалов и, наконец, установлением единой королевской юрисдикции на территории всей страны. Укрепление власти монарха могло быть достигнуто только за счет ослабления нобилитета – не уничтожения, но приведения его прав и возможностей в соответствие с интересами короля и государства.

Несмотря на относительно небольшие в численном отношении размеры класса феодалов, оппозиционно настроенные группы дворянства представляли собой весьма могущественную силу, которая была способна оказывать значительное воздействие на политическую атмосферу в стране, что и обусловило приоритетное внимание короны к этой проблеме. Формы, в которых выражалось противодействие феодалов крепнущей власти центра, были различны: от заговоров и мятежей, характерных для высшей аристократии, до саботирования королевских указов, произвола в отношении государственных институтов власти и вооруженной защиты феодальных привилегий в провинции, находивших широкое применение в кругах мелкого и среднего дворянства. Общим фоном политической жизни Англии этого времени являлось постоянное стремление каждого представителя знати, обладавшего своим «собственным» территориальным владением, к замене королевской прерогативы своей личной властью. Соответственно в широких рамках варьировались формы и методы, которыми пользовались Тюдоры для подавления баронской анархии.

Можно отметить два основных направления, в русле которых развивалась политика абсолютизма в сфере взаимоотношений короны и дворянства. Первое из них – наступление на феодальные права и привилегии лордов через развитие различного рода государственных бюрократических структур, обладавших юрисдикцией двоякого рода: во-первых, она по существу дублировала аналогичные права феодальных лордов, но естественно, на более высоком уровне, поскольку имела в качестве своей основы наиболее высоко стоящую на феодальной лестнице юрисдикцию короля-созерена. На практике это давало новым органам власти право на законном основании принимать решения и издавать указы, не считаясь с феодальным суверенитетом, судебными и административными привилегиями знати. Во-вторых, в отличие от этой, как ее условно можно назвать, «местной» юрисдикции, новые государственные структуры обладали юрисдикцией «королевской», отнюдь не посягающей на «феодальную» и отличной от нее, но традиционно более высокой и владеющей всеми полномочиями короля и Королевского Совета. Пользуясь этой властью, Звездная Палата и параллельные ей учреждения на местах имели законное право издавать приказы и предписания, обязательные для выполнения лицами любого ранга, обладающими сколь угодно большими иммунитетными свободами, и от имени короля требовать их исполнения. В лице упомянутой Звездной Палаты, а также судебно-правовых органов, исполнявших аналогичные функции в провинции –

Северного Совета, Совета Уэльса и Западного Совета – мы имеем дело именно с такими бюрократическими структурами.

Второе из направлений королевской политики – собственно законотворческая деятельность Тюдоров, включающая в себя и репрессивное по отношению к мятежной феодальной аристократии законодательство. Здесь можно выделить две наиболее крупные группы документов, одна из которых включает конституционные акты, направленные на строительство государственного аппарата и регламентирующие деятельность институтов власти, другая же имеет своей целью подавление баронской анархии и ограничение прав и привилегий феодальной знати.

Особое значение в этом контексте принадлежит законодательству об измене, которое предстает перед нами как одно из самых сильных орудий, использовавшихся Тюдорами для подчинения могущественных аристократов королевской власти. Хотя с юридической точки зрения сильно расширив категорию измены по сравнению с предшествующим периодом не произошло, можно говорить о заметном ужесточении преследований за эти преступления и расширении рамок применения понятия измены. Умело пользуясь этим орудием, нарождающийся абсолютизм подтачивал корневую систему, поддерживавшую мощный ствол всевластия английской знати, постепенно лишая ее реальных возможностей влиять на политику короны.

Тем не менее, несмотря на весьма значительное количество подобного рода документов и решительные меры, при помощи которых проводилась их реализация, не следует преувеличивать масштабы репрессивной политики первых Тюдоров в отношении дворянства. Конечно, существуют многие доказательства того, что монархия намеренно урезала права знати, стараясь не допустить ее чрезмерного усиления. В 1592 г. лорд Бакхерст, член Тайного Совета, писал графу Шрюсбери: «Вашей светлости следует помнить, что политической линией этой страны не является повышенная готовность увеличивать могущество и уверенность таких высокопоставленных особ, как Вы» [1, с.108]. Это была мягкая угроза, предупреждение крупному магнату, но не более того. Дело в том, что и нападки на власть знати тоже не были «политической линией» короны, но скорее наоборот: сохранение (в разумных пределах, разумеется) феодальной власти. Отдельные примеры расправ над аристократами (как, например, в случае с Бакингом в 1521 г., или Норфолком в 1572 г.) были определенно редкими исключениями из общей тенденции. Американский историк Дж.А.Лэндер пишет: «Для короля было невозможно игнорировать, а тем более подавлять класс людей, могущих помочь ему в осуществлении публичной власти и защите королевства» [2, Р. 268]. «Монархия, – говорит К.Хейг, – ярче всего блистала, когда она отражала величие высокопоставленных приближенных», и достоинство короля подчеркивалось достоинством его знати [1, с.85-86]. Впрочем, была и другая, более прозаичная и важная причина, побуждавшая Тюдоров сохранять это величие: пэры обладали огромной властью, и корона этой власти боялась и хотела ее ограничить.

Образно выражаясь, права лордов переросли права государства и, подавляя определенную часть дворянства, королевская власть объективно действовала в интересах всего сословия в целом. Этими соображениями объясняется отказ Генриха VII и Генриха VIII от широкомасштабных репрессий и преследований, принявших участие в антиправительственных актах, что хорошо иллюстрируется многочисленными примерами, приводимыми Ф.Бэконом, Э.Холлом и другими современниками – практика помилований с сохранением жизни и собственности, а во многих случаях смягчение наказаний; и это отнюдь не является свидетельством слабости или нерешительности королевской власти, ибо эта политика не распространялась на продолжавших сопротивление,

скрывающихся от преследования властей и нераскаившихся мятежников. Уцелевшие в результате всех этих мероприятий представители знати были вынуждены проявлять лояльность по отношению к короне, которая, как уже было сказано, вовсе не стремилась к уничтожению знати как таковой, считая её естественной опорой престола. Взамен же старой аристократии Генрих VII и Генрих VIII стали насаждать новую, так называемую «тюдоровскую аристократию», всецело зависящую от короны, даруя титулы и земли своим приверженцам, возвышая их из рядов джентри. Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что этот аспект внутриполитической деятельности обоих Генрихов занимает по своему значению одно из первых мест в процессе строительства абсолютистского государства в Англии. Подавление баронской анархии, установление на всей территории страны единой королевской юрисдикции и создание государственного аппарата, способного эффективно и всеобъемлюще реализовать политические устремления королевской власти, находят в политике Тюдоров свое наиболее полное выражение.

Успешное решение всех этих задач способствовало стабилизации социального порядка и повышению авторитета короны. Однако это не могло автоматически предоставить монарху всю полноту власти, не устраняло зависимости короля от решений Совета, часто заполненного его оппонентами, Парламента и других институтов политической власти, роль которых в Англии традиционно была очень велика. К тому же король был вынужден терпеть в своем окружении многих представителей знати, через которых, при опоре на их лояльность или через принуждение, он реализовывал свою политику. Нобилитет не только был опорой монарха, но и, увы, естественным ограничителем его могущества. Сложившаяся система управления королевством лишала суверена возможности осуществлять свою личную власть, минуя жесткий порядок решения государственных вопросов и использования государственных денег, не учитывая интересов высших придворных и бюрократических чинов, наконец, король был лишен простого удобства держать у себя на службе лично ему симпатичных людей. С другой стороны, постепенное уничтожение оппозиционной знати и установление (в основном) контроля королевской власти над политической жизнью страны мало-помалу стали предоставлять монарху такие возможности, которые и реализовались в виде Тайной Палаты, изучение истории которой позволяет нам нарисовать следующую схему развития этого института.

Генрих VII создал Тайную Палату как отдельный департамент королевского двора с двойной целью: во-первых, оградить себя от влияния (далеко не всегда благожелательного) высших придворных чинов и, во-вторых, использовать членов нового ведомства в качестве проводников своей личной власти. Использование традиционных рычагов управления государством в условиях, сложившихся в Англии непосредственно после окончания Войны Роз, оказалось невозможным. Главным образом это было связано с противодействием или, по меньшей мере, нейтралитетом знати, находившейся на вершине придворной и бюрократической иерархии, а также местной аристократии, контролировавшей ситуацию на периферии. Генриху VII был необходим альтернативный канал власти, эффективность работы которого зависела бы только от него и, кроме того, не подверженный влиянию существовавших структур.

Члены Тайной Палаты в этот период не обладали политической самостоятельностью, являясь только послушными исполнителями воли короля. Генрих VII намеренно выбирал своих приближенных из представителей преимущественно рядового дворянства, дабы, во-первых, полностью исключить возможность воздействия на свою политику власть преобладающей аристократии и, во-вторых, облегчить себе возможность награждать или наказывать своих служителей, что было бы

вряд ли возможно, окажись в их числе родственники или клиенты всемогущего нобилитета; кроме того, они были дешевы: им можно было платить простым продвижением по службе. В таком виде Тайная Палата практически исчерпала себя к концу правления первого Тюдора: уничтожение или ослабление оппозиционной знати, укрепление контроля монарха над деятельностью общегосударственных и местной структур власти; установление единой королевской юрисдикции на территории всей страны – сделали существование альтернативного канала власти ненужным. В конце своей жизни Генрих VII использовал Тайную Палату (не говоря о прислуживании королю) просто в качестве своего рода «кузницы» бюрократических кадров: из нее вышли Ричард Фокс, Ричард Эмпсон, Эдмунд Дадли, Генри Уайетт и множество других чиновников, занявших свои ячейки в государственной машине, вытеснив при этом, естественно, представителей титулованной знати. Король, однако, оставался самой важной «деталью» этой системы: контроль, осуществляемый им над практически всеми сторонами правительства, являлся безраздельным. Тайная Палата в период его правления так и не превратилась в центр власти, выполняя функции лишь проводника королевской политики.

Устранение Генриха VII, т.е. в данном случае – замена его Генрихом VIII, не обладавшим трудолюбием и талантами своего отца, означала одновременно крушение политики личной власти монарха и установление приоритета государственных интересов над интересами лично короля. Восстановление всемогущества государственной машины выразилось в возвышении кардинала Уолси, полностью заменившего собой в этой системе первого Тюдора. Пострадавшим, таким образом, оказался только Генрих VIII: не восприняв традиции своего отца, он оказался «выброшенным» за пределы политической жизни; во всяком случае, он был вынужден считаться с интересами государства, которые были представлены Томасом Уолси.

Такая ситуация сделала неизбежным второе рождение Тайной Палаты, но уже на несколько иной основе: если ее создание первым Тюдором преследовало главным образом цель отстранения от власти могущественного нобилитета, то при Генрихе VIII, когда решение этой задачи уже было близко к завершению, Тайная Палата должна была способствовать исключительно укреплению единоличной власти короля. Воля монарха в Англии традиционно была ограничена разного рода законами и институтами, и в период правления Генриха VIII происходит решительное столкновение между этой тенденцией, если можно так выразиться, «конституционного» развития, и тенденцией «абсолютистской», направленной на установление неограниченной власти короля, не связанной никакими законными рамками. Воссозданная при Генрихе VIII Тайная Палата постепенно из компании друзей короля превращается в организацию политиков, которая, несмотря на сопротивление Уолси, шаг за шагом начинает узурпировать прерогативы государства и вытеснять традиционные структуры власти из всех сфер политической жизни: войны, дипломатии, суда, управления землями, финансами и т.п. Естественно, «плана» полного уничтожения государственных институтов не существовало, да и сама мысль об этом показалась бы нелепой; в данном случае требовалось лишь установление приоритета королевской воли и устранение рамок, ограничивавших абсолютную власть монарха, разумеется, при сохранении механизмов, претворявших эту власть в жизнь.

В течение 1530-х гг., таким образом, происходит не утверждение мощной государственной машины, подчинившей своему влиянию королевский двор, а напротив: государственный аппарат, в течение средневековья пользовавшийся почти полной самостоятельностью, стал частью королевского хаусхолда. Двор подмял под себя и перестроил всю систему правительства, приведя

ее в соответствие с интересами абсолютного монарха. Хаусхолд выступает в этой схеме в качестве орудия, при помощи которого король изменил всю политическую конституцию Англии, приведя ее к единому знаменателю – королю, ставшему единственным реальным олицетворением власти и политического влияния. Отсюда, кстати, и различие в терминах: «двор» – это хаусхолд после подчинения ему государственного аппарата, и именно процесс превращения «хаусхолда» в «двор» и представляет в данном случае наибольший интерес.

Падение Томаса Уолси знаменовало собой победу абсолютистской тенденции. Такое положение вещей,

уже сложившееся de facto в конце 1520-х - начале 1530-х гг., было закреплено в законе в течение ближайших же лет Кромвелем. Тайная Палата, поставленная в центр системы правительства, превратилась в важнейшую составную часть государственной машины, а король, соответственно, приобрел статус единственного источника патрона и политического влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хейг К. Елизавета I Английская. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 320 с.
2. Lander J.R. Crown & Nobility 1450-1509. L., 1976.

ABOUT THE FORMS AND METHODS OF FORMING TUDOR'S ABSOLUTISM

© 2013

I.V. Kazakov, candidate of historical sciences, associate professor of the department of «World history and methodology of education»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: Contrary to popular belief about the mass murder of the nobility during the Wars of the Roses, in front of the Tudors was a difficult political task of strengthening royal authority, suppression of numerous outbreaks of separatism and consolidation of the country, which meant, in turn, the inevitable clash with the nobility.

Keywords: Tudors, absolutism, the nobility, new monarchy.

УДК 81'366.57

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОГОВ *BY* И *WITH* В АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПАССИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

© 2013

А.М. Ключина, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранных языков», доцент кафедры «Английского языка и методики преподавания иностранных языков»
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: Предлоги «*by*» и «*with*» имеют сходные значения при выражении агенса и инструмента. Настоящая статья является попыткой продемонстрировать влияние лексико-грамматических характеристик компонентов пассивных конструкций на выбор того или иного предлога.

Ключевые слова: категория залога, пассивный залог, пассивная конструкция, предлоги *by* и *with*.

Одной из важных проблем, связанных с семантикой пассивных конструкций в английском языке, является особенность употребления предлогов *by* и *with* в них. Рассмотрим этот вопрос на основе фактического языкового материала. В настоящей работе изучены формы и значения предлогов в конкретном употреблении в английском языке. Исследование проводилось на материале художественных произведений (*Joanne Katheline Rowling "Harry Potter and the Goblet of Fire"; John Galsworthy "The Man of Property"*). Отбор материала производился методом целенаправленной выборки. Подходящими для анализа мы считали не только те примеры, где предлог выступает в чисто агентивном или инструментальном значении, но и такие, где предлог имеет не всегда четко определяемые оттенки этих значений.

В выражении агентивных и инструментальных отношений предлоги *by* и *with* соприкасаются (А.М.Ключина [1]), но выбор употребления того или иного предлога не всегда понятен. Обзор лингвистической литературы показывает, что имеются лишь отдельные замечания об употреблении этих предлогов, но они не охватывают всех случаев. Основное различие между этими предлогами заключается в том, что *by* чаще обозначает агенса, а *with* – инструмент. Однако эта традиционная формула «*by* – агенс, *with* – инструмент» часто оказывается несостоятельной.

Мы поставили перед собой следующие задачи:

1) выяснить лексико-грамматические условия, в которых функционируют предлоги *by* и *with* в агентивном и инструментальном значениях;

2) исследовать соотношения между предлогом и компонентами пассивной конструкции, в которую он входит, а также выявить факторы, влияющие на выбор предлога в тех случаях, когда предлоги имеют одинаковые или близкие значения.

Под лексико-грамматическими условиями, в которых функционируют исследуемые предлоги, мы понимаем не

только ведущий и зависимый компоненты предложного словосочетания, но и компоненты большей структуры, в состав которой входит предложное словосочетание. Такой структурой мы считаем предикативное словосочетание, эквивалентное предложению. В вопросе о том, считать ли предикативное сочетание слов словосочетанием или предложением, мы придерживаемся мнения Б.А.Ильиша. Его точка зрения заключается в том, что предикативное сочетание слов можно рассматривать как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения (Б.А.Ильиш [2]). Мы принимаем в качестве исходного также его положение теории словосочетания о том, что каждый компонент словосочетания может претерпевать грамматические изменения в соответствии с грамматическими категориями, представленными в нем, не разрушая словосочетания (Б.А.Ильиш [2]). Исходя из этого положения, а также пользуясь понятием обязательных и факультативных элементов синтаксической структуры, мы выделяем ядерные конструкции, в рамках которых будем производить исследование факторов, влияющих на выбор предлога.

Все словосочетания, в которых встретились предлоги *by* и *with* в интересующих нас значениях, путем трансформации (опущения факультативных инструментов и изменения грамматической формы обязательных элементов) были сведены к ядерной конструкции или модели, которую символически на уровне классов слов можно представить в виде модели *S1 be Ven pr S3* (например: *The letter was written by Fred*), где *S* – именной компонент, *be Ven* – глагол в форме страдательного залога, *pr* – предлог.

Рассмотрим сначала именные компоненты модели с точки зрения их лексико-грамматической природы. Изученный нами материал показал, что компонент *S1* может быть выражен как одушевленным, так и неодушевленным существительным, или местоимением (личным, относительным или неопределенным). Приведем